

лидерстве, его стилях и формах, принципы командной работы, добровольчестве, возможностях участия в добровольческих программах и т.д.), авторский курс разрешения конфликтов, тренировки и турниры по спортивной версии игры «Что? Где? Когда?», семинары и вебинары, посвященные актуальным для молодых людей вопросам, игры на местности краеведческой направленности, лагерь доброхотов в Пушкинских Горах (в рамках которого проводятся экскурсии, чтение писем директора музея Семена Степановича Гейченко о том, как восстанавливался музей после войны и, в частности, о первых доброхотах музея) и т.д.

2. Поведенческий (операциональный) – владение жизненными умениями и навыками, в том числе коммуникативными, конструктивные модели преодолевающего поведения. Наиболее полное развитие поведенческого компонента происходит в рамках работы лагеря доброхотов: жизнь в условиях лагеря предполагает развитие определенных социально-бытовых навыков. Здесь, как нигде получают развитие коммуникативные навыки, развиваются копинг-стратегии для преодоления трудных ситуаций, что, безусловно, способствует развитию и социальной компетентности.

3. Аффективный – положительный эмоциональный баланс и настрой, позитивное восприятие жизни. Развитие аффективного компонента происходит за счет существования традиций как в рамках мероприятий (вечер памяти А.С. Пушкина, участие в мероприятиях, посвященных Дню Победы, Дню снятия блокады и пр.), так и вне мероприятий (символика для создания идентичности (значки, банданы и пр.), поддержание контактов с участниками и получение обратной связи после окончания мероприятий и т.д.)

Участие в движении доброхотов является мощнейшим стимулом развития факторов, связанных с личностной самореализацией молодых людей: развитие социальных способностей, позитивной уверенности в собственных силах, самостоятельности, успешных копинг-механизмов; стимулированием развития уровня интеллекта и креативности; появление интересов и хобби, не связанных с саморазрушающим поведением, переход локуса контроля с внешнего на внутренний (зачастую), развитие импульсного контроля, повышение активности и энергичности.

Таким образом, работа организации ИМКА Санкт-Петербург способствует развитию социальной компетентности молодых людей.

1. Социальная компетентность и технологии её формирования в современном обществе // под ред. В.Н. Келасьева и И.Л. Первой. Санкт-Петербург, 2010 г.
2. Философская энциклопедия
https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/4709/%D0%9F%D0%A0%D0%95%D0%95%D0%9C%D0%A1%D0%A2%D0%92%D0%95%D0%9D%D0%9D%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%AC

ГЕНЕЗИС "РЕВОЛЮЦИИ КРУШЕНИЯ ПРОГРЕССА" В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Кузнецов А.Ю. (Екатеринбург)

В год столетия Русской революции 1917-го года особенно актуально звучат слова известного систематизатора теорий и исследователя социально-политических процессов Петра Штомпки. В своей книге «Социология социальных изменений» он писал: «Всем революциям предшествуют типичные условия, которые можно назвать “предпосылками революции”... Наиболее болезненно они ощущаются восходящими социальными классами, а не теми, кто нищ и подавлен. “Похоже, что наиболее сильные чувства испытывают те, кто уже имеет деньги или, по крайней мере, средства к существованию, кто остро чувствует недостатки привилегированной аристократии”» [1, 373]. В свете вышесказанного интересны некоторые обстоятельства, выявленные в исследованиях наших коллег и наших собственных.

Изучая систему государственных и муниципальных социальных услуг населению крупнейших городов РФ, мы сначала сравнили их численность населения и бюджеты в абсолютных показателях. «К первому типу по этим критериям отнесем Москву (более 12 млн человек, более 1,5 трлн руб.) и Санкт-Петербург (более 5 млн человек, около 0,5 трлн руб.)... В целом жители Москвы и Санкт-Петербурга составляют более 12 %, а с учетом агломераций и пригородов - порядка 18-20 % населения России. Ко второму типу отнесем так называемые миллионники и крупнейшие города России, с численностью населения 0,5-1,5 млн человек. Их бюджеты не достигают 50 млрд руб. и кажутся непропорционально малыми по сравнению с мегалополисами... В них проживает около 15 % населения России, а с учетом малых и средних

городов-спутников - порядка 20 %» [2, 85-86]. Далее мы сопоставили бюджетобеспеченность на душу населения Москвы и Санкт-Петербурга с другими городами-миллионниками. Более подробно с результатами можно ознакомиться в нашей работе «Организация экспертизы муниципальных социальных услуг» [3, 7-10], однако в целом можно констатировать, что отличия здесь составляют от 5 до 15 раз. Конечно, Москва и Санкт-Петербург являются городами федерального значения, то есть имеют статус субъектов федерации и их бюджеты формируются по другим принципам и основаниям, чем бюджеты муниципалитетов. Будучи столицей России, Москва выполняет ряд специфических функций, а Санкт-Петербург — это фактически город-музей под открытым небом. Но, даже с учетом связанных с этим дополнительных расходов, по объективным критериям объем и качество социальных услуг, предоставляемых здесь жителям в разы выше, чем в других крупнейших городах и в среднем по России.

Из исследований, проведенных нашими коллегами следует, что несколько иная картина складывается по оценкам самих жителей, получающих эти социальные услуги. Например: «В среднем по Российской Федерации 59,5 % респондентов положительно оценивают качество медицинской помощи... в Москве только 29,9 % респондентов дали такой ответ» [4, 47]. Наиболее высокие оценки качества получаемых медицинских и других социальных услуг, степень полной удовлетворенности их уровнем, иногда даже более 80%, отмечаются в опросах сельских жителей и представителей социально ущемленных групп населения [5]. Некоторую скидку здесь надо сделать на то, что ряд опросов проводился в социальных учреждениях и респонденты, возможно, не были полностью уверены в их анонимности. Тем не менее, мы вынуждены сделать парадоксальный вывод: чем объективно выше объем и качество социальных услуг, предоставляемых населению, тем ниже их субъективные оценки и степень удовлетворенности объемом и качеством этих услуг.

Если высокую удовлетворенность уровнем и качеством социальных услуг пенсионеров и инвалидов в общем можно понять, они рады и «синице в руках», то настроения москвичей и петербуржцев, при их сравнении со средними по России и даже с жителями других городов-миллионников, не могут не вызывать определенного беспокойства. Ситуация напоминает классический вариант, представленный П. Штомпкой. Он пишет: «По утверждению У. Дж. Рунсимэна, "степень относительной депривации есть мера различия между желаемой ситуацией и тем, как человек ее себе представляет". В формулировке Теда Гурра, это "воспринимаемая разница между ценностными ожиданиями (вещами и условиями жизни, которых, как полагают люди, они заслуживают по справедливости) и ценностными возможностями (вещами и условиями, которые они в действительности могут получить)"» [1, 378-379]. Таким образом, вызывает беспокойство не столько то обстоятельство, что жители столичных городов недостаточно удовлетворены качеством социальных услуг, а то, что уровень их притязаний выше того, который они имеют, хотя он и, видимо, максимально возможный в современной России.

С другой стороны, настроения жителей провинции так-же вписываются в классическую схему: «Если люди даже крайне нищи, но воспринимают это как должное, как предписание судьбы, провидения или как соответствие предопределенному социальному статусу, то революционного брожения не возникает. Лишь когда они начинают задаваться вопросом о том, что они должны иметь по справедливости, и ощущать разницу между тем, что есть и что могло бы быть, тогда и появляется чувство относительной депривации. Это ощущение тесно связано с чувством несправедливости, возникающим из сравнения того, что люди имеют в действительности, и чего уже достигли другие, похожие на них» [1; 379]. В настоящее время жители провинции, не удовлетворенные имеющимся уровнем жизни, стараются при любой возможности мигрировать в «хлебные» Москву и Санкт-Петербург, но не может же последовать за ними все население страны. Так-же не может все население страны, удовлетворяясь имеющимся, до бесконечности мириться с не просто большим, но и все возрастающим неравенством с жителями столичных городов.

Таким образом, в столицах возможно складываются предпосылки той ситуации, которую П. Штомпка называет «революцией пробудившихся надежд», а в провинции может постепенно вырваться «революция отобранных выгод». Особенно опасной ситуация становится когда «сочетаются механизмы, действующие в первых двух случаях. Надежды и возможности достижения растут параллельно в течение некоторого времени. Период процветания и прогресса в реальных условиях жизни сопровождается распространением надежд и ожиданий на будущее. Затем кривые неожиданно разделяются, причем надежды продолжают расти, а реальные возможности достижения блокируются или даже поворачивают вспять (из-за естественных

болезней, войны, экономического упадка и т.д.). Это приводит ко все более углубляющемуся непереносимому разрыву. "Решающим фактором является смутный или явный страх, что почва, обретенная за долгое время, будет быстро утрачена". Произойдет то, что можно назвать "революцией крушения прогресса"» [1; 380]. Особенно тревожной ситуация выглядит с учетом затягивающегося кризиса в экономической сфере, который ряд ученых уже характеризуют как долговременную депрессию, переходящую в застой. В результате этого уровень жизни в столичных городах не растет, а в других городах России уже не первый год отмечается даже его снижение.

1. Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В. А. Ядова / П. Штомпка. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.
2. Кораблева Г.Б. Проектирование социальных изменений в городской среде: учеб. Пособие. / Г.Б. Кораблева, С.Е. Вершинин, Н.Л. Антонова, С.Б. Абрамова, М.Н. Вандышев, О.В. Нотман, А.Н. Новгородцева, А.Ю. Кузнецов, О.И. Пименова ; М-во образования и науки РФ, Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. - Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. 128 с.
3. Кузнецов А. Ю. Организация экспертизы муниципальных социальных услуг: учеб. пособие / А. Ю. Кузнецов, И. Е. Левченко. Екатеринбург: Департамент политологии и социологии Урал. федерал. ун-та., 2017. 84 с.
4. Корнильцева Е. Г. Доступность и качество медицинской помощи в оценках россиян: по данным социологических опросов, проведенных в рамках системы обязательного медицинского страхования РФ / Е. Г. Корнильцева, А. С. Мезенина // Россия сегодня: тенденции и перспективы развития: Мат-лы III Международ. науч.-практ. конф. Курган: Курганский филиал Урал. ин-та экономики, управления и права, 2015. Т. 1. С. 172-174.
5. Антонова Н. Л. Институциональные аспекты функционирования системы медицинского обслуживания : [монография] [Электронный ресурс] / Н. Л. Антонова, И. Е. Левченко, М. В. Клейменов ; М-во образования и науки РФ, Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. - Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. 108 с. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/41432/1/978-5-7996-1866-7_2016.pdf (дата обращения: 14.09.2017).

СОЦИАЛЬНАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ

Кузьминых Л.Ю. (Тольятти)

Работа выполнена в рамках гранта РФФИ проект № 17-46-630560 «Концептуальная инновационная модель социо-эколого-экономической системы Самарского региона».

Аннотация: Автором представлен материал о модернизации, в социологии которая понимается как переход от традиционного аграрного общества к индустриальному. Автор акцентирует внимание на вопросах эволюции человеческой цивилизации, где выделяет три этапа. Также отмечает, распространение индустриальных культур, в которой сила современности всегда реактивная сила, которая обретает значимость и импульс за счет сравнения или отрицания процессов современности, что подчёркивает обширный взгляд на современную модернизацию как на процесс индивидуализации.

«Модернизация» в социологии понимается как переход от традиционного аграрного общества к индустриальному. В эволюции человеческой цивилизации выделяется три этапа:

наблюдается появление обществ и общин.

Объединение и трансформация обществ. [1]

Начало с промышленной революции и до нашего времени.

Необходимо отметить, что в современном этапе проявляется распространение индустриальных культур. Силой современности была всегда реактивная сила, которая обретала значимость и импульс за счет сравнения или отрицания процессов современности. Такое положение обуславливало обширный взгляд на современную модернизацию как на процесс индивидуализации.[2]

Во-первых, структура современного общества полагает своей базовой единицей индивидов, а не какую либо группу.

Во-вторых, на данный момент современные институты созданы для выполнения специализированных задач с высокоразвитым разделением труда.